

ТЕМА НОМЕРА

ВОЛОНТЁРЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

Типология критических состояний современного общества

Ссылка для цитирования: Яницкий О. Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 14–29. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

For citation: Yanitsky, O. N. A Typology of the Critical States of a Modern Society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 14–29. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

**Яницкий
Олег Николаевич**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

oleg.yanitsky@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: [71622](#)

Аннотация. Цель статьи¹ – создать типологию критических состояний современного общества (далее КС) на основе анализа отечественных и зарубежных исследований, а также собственных теоретических разработок в течение последних 30 лет. К основным архетипам критических состояний я отношу геополитические, природно-климатические и техногенные катастрофы глобального и континентального масштаба. Затем идут рукотворные, но практически невидимые критические состояния общества (внутреннее разложение и распад, массовые эпидемии и социальные «болезни»: алкоголизм, наркомания, коррупция и преступность). И, наконец, – КС, возникающие при исчерпании существующих форм институциональной и иной организации общества; например, бедность и другие проявления критического отставания индивидов и групп от современного темпоритма развития общества, в результате чего множится количество людей, практически исключённых из общественной жизни, а также – издержки ускоренного перехода общества на «цифру». Для минимизации негативных последствий любых КС все социальные агенты, независимо от их масштаба и назначения, должны быть готовы к КС как к рутине повседневности. То есть в современных условиях различия между «нормой» и «патологией» становятся постепенно всё более условными. Это утверждение – не очередной релятивизм, а констатация того факта, что современная глобальная СБТ-система, включая Россию как её неотъемлемый элемент, непрерывно эволюционирует. Волонтеры и гражданское общество в целом – необходимые участники действий по предотвращению КС на всех этапах его возникновения, воздействия на общество и последующей адаптации пострадавших в результате него. Что касается «цифровизации» общественной жизни, то полагаю,

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-78-10052, проект «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы».

что «цифра» была и будет лишь инструментом в руках человека, который должен уметь самостоятельно мыслить и рефлексировать по поводу происходящих в мире перемен и принимать решения самостоятельно.

Ключевые слова: волонтеры, геополитика, глобализация, социальные институты, катастрофы, критическое состояние, общество, ускорение, цифра

Необходимость создания типологии критических состояний (КС) современного общества возникла на пересечении нескольких теоретических и практических вопросов. Чем быстрее изменяются наше общество и мир в целом, тем больше материальных и человеческих отходов (wastes) они производят и тем более напряжённой становится международная обстановка. Неужели каждый переходный период к новому типу общественного производства должен сопровождаться природными и социальными потерями? Сегодня мировое сообщество наконец озаботилось загрязнением Мирового Океана (в частности – пластиковыми отходами). Но люди, как это часто бывает, обратили внимание только на часть этой проблемы, видимую невооружённым взглядом, но не на все те необратимые трансформации в биологической жизни Океана, которые уже произошли и ещё будут долго происходить, независимо от нашей воли. Поэтому сегодня видеть только то, что доступно нашему глазу, значит – ничего не видеть!

И так происходит практически со всеми малыми и большими авариями и катастрофами. Взять, например, пожар в торговом центре «Зимняя вишня» (г. Кемерово), унесший жизни многих людей. Ведь там было всё необходимое: и сигнализация, и запасные выходы, и соответствующие инструкции, и служащие этого торгового центра. Значит, проблема заключается не только в самом ТЦ – она коренится далеко за его пределами. Предварительные выводы можно сделать уже сейчас: КС – неизбежный спутник современного общества [Yanitsky 2014], и поддержание любой социальной системы в рабочем состоянии столь же важно, как и её конструирование и строительство. Соответственно, психологическая подготовка персонала столь же важна, как и само создание некоторого объекта гражданского использования.

Примерно то же можно сказать и о ежедневных прогнозах погоды, от которых, особенно в зимний период, зависит жизнь миллионов граждан. Я понимаю, что такой прогноз имеет вероятностный характер. Но также известно, что за ошибки в подобных прогнозах расплачиваются автомобилисты и все другие горожане, которые рискнули выйти на улицу во время гололёда или снегопада. Значит, корень критической ситуации находится не на месте аварии или катастрофы, а далеко за её пределами, и то, что нам помногу раз в день сообщают длину заторов на какой-либо дороге, не имеет никакого значения для тысяч конкретных водителей.

Но есть также критические ситуации, источники которых хорошо спрятаны от постороннего глаза, как, например, алкоголизм или наркомания. Имея в прошлом среди своих родственников двух алкоголиков

и видя, как на протяжении десятков лет множество врачей и просто хороших людей безуспешно боролись с этим социальным злом, я хорошо понимаю сложность и одновременно социальную значимость проблемы. Но вместе с тем понимаю и то, что, помимо генетических причин этой социальной болезни, есть причины сугубо социальные.

По данным Е. Ройзмана¹, сегодня в нашей стране ежегодно гибнут от курения 300 тыс. человек в год, а от алкоголизма – около 400 тыс. человек! Предполагаю, что от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний ежегодно умирают примерно столько же жителей РФ.

Уже почти 20 лет продолжаются два параллельно идущих процесса: отток талантливой молодёжи за рубеж и приток в Россию бедных людей из среднеазиатских республик бывшего СССР. Истинных мотивов этих мигрантов, кроме крайней нужды в заработке, мы не знаем. Знаем только, что они, как правило, работающие, однако периодически исчезающие (на время или навсегда), что делает этот социальный ресурс весьма проблемным во всех отношениях.

Искушённый читатель возразит: во всяком деле бывают «недоделки» и даже ошибки! Верно, но это означает, что, начиная какой-либо проект или создавая IT-новинку, всегда необходимо многократно просчитывать её отдалённые негативные последствия. В РФ сейчас задача на много порядков сложнее: перевести всю экономическую, социальную и политическую жизнь «на цифру», причём сделать это по традиции в исторически короткие сроки, что также порождает социальные и человеческие издержки. Значит, фактически снова, как в 1930-е и 60-е гг., ставится задача догнать, а то и перегнать наиболее индустриально развитые страны мира. Мобилизационное состояние общества не объявляется, но фактически речь идёт о перестройке всего общественного организма страны в короткие сроки, потому что соревнование между РФ и экономически развитым Западом уже шло много столетий и сегодня идёт ежедневно и ежечасно.

Исходные общие принципы данной типологии

Несколько предварительных замечаний. В теоретической социологии используются разные термины для обозначения КС: *кризис*, *опасность*, *риск* и *КС как таковое*. Понятие «кризис» я не рассматриваю, поскольку оно, как правило, обозначает периодически возникающие и потом самостоятельно исчезающие критические-ситуации. К тому же экономическим и социальным кризисами можно, как правило, управлять, т. е. предупреждать и смягчать их. «Опасность» – общий термин, обозначающий вероятность возникновения некоторой проблемы. «Риск» есть некоторое перманентное состояние современного общества. Как неоднократно подчёркивал У. Бек, мы все живём сегодня в обществе риска,

¹ Авторская еженедельная программа «Личный приём» на радиостанции «Эхо Москвы», 13.01.2020.

т. е. в перманентно небезопасном обществе. Наконец, понятие «КС» обозначает возникновение конкретной критической ситуации локального, национального или глобального масштабов.

З. Бауман, Г. Бек, Э. Гидденс, М. Кастельс и другие ведущие социологи современного мира не слишком интересовались вопросами типологии критических состояний западного общества и мира в целом, равно как и его «дигитализацией». Они, скорее, рассматривали его динамику как целостный, но вероятностный процесс, который поступательно двигался от традиционного к современному обществу. Типология, которая интересовала их главным образом, заключалась в осмыслении транзита от модерна к постмодерну, однако эти ключевые категории никогда ими не разрабатывались и тем более не рассматривались как типологические.

Что касается собственно критических состояний, то максимум, что их интересовало, это – степень риска тех или иных действий глобальных игроков. Только З. Бауман, анализируя кризис Европейского Союза 2011–16 гг., частично связал его с некоторым «переходным периодом», заимствуя это понятие из работ А. Грамши. Понятие *interregnum* означало, скорее, не переходный период, а некоторое состояние «между» [Bauman 2017]. На мой взгляд, немецкий социолог У. Бек [Beck 1992; 1999] сделал важное замечание, непосредственно относящееся к теме статьи. Он утверждал, что мы продолжаем жить в мире побочных последствий уже произошедших событий (*after-effects*).

Как уже отмечалось, РФ находится в очередном «переходном периоде». Это означает, что предлагаемые ниже принципы и подходы должны восприниматься с некоторой долей условности именно потому, что всякой исторически значимый переходный период означает изменение способа производства и социального воспроизводства, что неизбежно вносит коррективы в любые типологические схемы. Далее, переходный период означает изменение соотношения РФ с глобальным миром в целом, поскольку речь идёт о более интенсивном процессе вхождения в мировую экономику и геополитику. Наконец, вхождение РФ в мировую «цифровую галактику» [Castells 2004] также внесёт существенные коррективы в структурно-функциональную организацию нашего общества, её социальные нормы и культурные коды.

Перейдём теперь к рассмотрению принципов построения данной типологии.

1. Существуют постоянные (хронические) социальные «болезни» общества, которые иногда перерастают до уровня критической ситуации, и внезапно возникающие критические ситуации, которые далеко не всегда можно предвидеть.

2. Практически всякая критическая ситуация оставляет после себя длинный «хвост» природных, демографических, социальных и иных последствий. Эти последствия могут быть единовременными, но чаще они распространяются во времени и пространстве, т. е. возникает так называемый «каскадный эффект» данной катастрофы, который может тянуться годами и десятилетиями.

3. Существуют критические состояния людей и обществ, порождаемые конкретным событием, как например, войной или захватническими действиями. Но сегодня мы всё чаще имеем дело с гибридными феноменами, которые не вписываются в привычные рамки «мир или война», предполагающие наличие фронта и тыла, чёткое разделение на «мы и они», «враги и друзья» и т. д. [Yanitsky 2015].

4. Человеческая история состоит из ряда «переходных периодов», которые сами по себе чреваты критическими ситуациями. Сегодня Россия, как и многие другие станы мира, находится в стадии очередного «переходного периода», когда реконструируемая на новых основаниях структурно-функциональная организация общества уже не представляет собой хорошо отлаженного механизма, потому что одни его детали *уже* новые, а другие *ещё* только предстоит заменить.

5. Предыдущий тезис прежде всего относится к институциональной структуре общества, потому что она является силой, одновременно его сохраняющей и изменяющей. Сегодня эта структура является самой «проблемной», потому что общество находится между двух огней: оно одновременно должно иметь крепкие национальные, конфессиональные и другие «устои» и изменяться в процессе бесконечной перестройки глобального целого и его частей в процессе «перехода на цифру».

6. Возникает непростой вопрос: как сохранять «устойчивость» (sustainability) этого глобального целого и при этом непрерывно изменять его в целом и по частям? Или же надо расценивать любые разрушительные импульсы, исходящие от био-, техно- и социальной сферы не как неизбежное зло, а как общественное благо?

7. Сегодня мерилом «устойчивости» является наличие национального государства со своими нормами, правилами, образом жизни и т. д. Но каковы тогда институциональные, правовые и прочие основы транснациональных корпораций или же таких транснациональных проектов, как «Один пояс – один путь»?

8. Возьмём теперь противоположный «полюс», первичную ячейку общества – семью, а также соседство, малую профессиональную группу, отношения детей и взрослых и т. д. Разве сегодня в этих «микроячейках» не идут подобные же разрушительные процессы? А если мы сюда приплюсуем чрезвычайно высокую степень закредитованности населения РФ, о которой нас предупреждают экономисты и социологи, то ситуация будет выглядеть ещё более тревожной.

9. Во всех странах мира есть люди, по тем или иным причинам «выпавшие» из социальной жизни данного общества. З. Бауман называет их «отходами общества» или его париями [Bauman 2004]. Не хотелось бы прибегать к такой терминологии, но как быть с этими людьми? Можно ли их вернуть к «нормальной жизни», или же это – проблема благотворительных организаций, которые всегда существовали в России и за рубежом? И вообще – возможна ли такая ситуация, чтобы этих «отходов» не было вообще?

10. Наконец, «вопрос вопросов». Возможна ли вообще какая-либо типология, если жизнь непрерывно ускоряется, а «островков» стабильности остаётся всё меньше, и срок их существования – короче? Или же движение – это всё. А разные там ячейки, нормы, правила и т. д. – ничто? Получается, что пресловутая «устойчивость» есть лишь миг в цепи бесконечных перемен? Но тогда рушится концепция устойчивого развития. А может быть тогда любая «устойчивость» – не более чем момент в бесконечном движении вперёд?

Если мы снова обратимся к истории человечества, то действительно увидим, что между «устоями» и «переменами» шла непрерывная борьба.

Как люди справляются с названными противоречиями?

Первое и самое очевидное – посредством разделения труда. Одни выступают в роли новаторов, тогда как другие – в роли «стабилизаторов». И действительно: от пещеры первобытного человека до комфортабельного жилища современного горожанина именно так всё и происходило.

Второе, если традиционные, семейные, соседские и иные территориальные объединения быстро разрушаются, то им на смену или в качестве компенсаторного механизма приходят *виртуальные объединения* (СМИ, социальные сети с их множеством форм).

Третье. Сегодня социальные сети служат одновременно *убежищем* от избыточного давления непрерывных изменений и *прибежищем*, если человеку нужна моральная поддержка или материальная помощь.

Четвёртое. Естественно, что богатые люди имеют больше возможностей для стабильного и относительно безопасного существования. Они дифференцируют всё пространство жизни на «своё», т. е. принадлежащее состоятельным гражданам, и то, которое «для всех остальных». Самые богатые ведут изолированное существование, что, впрочем, иногда всё равно нарушается природными катастрофами, как это, например, периодически случается в Калифорнии (США).

Пятое. Бедные, напротив, создают районы или гетто, где они устанавливают свой социальный порядок и периодически совершают набеги на районы проживания более состоятельных граждан. Конечно, есть страны с относительно стабильным социальным порядком.

Шестое. Если раньше все уповали на совместно созданную международную систему договоров и соглашений, которая создавала «сетку безопасности», то сегодня ситуация резко изменилась. Перемены самого разного значения и масштаба случаются так часто, что *de facto* пришлось перейти на систему временных договоров и соглашений, дорожных карт и т. п., которые далеко не всегда выполняются полностью и в срок.

Седьмое. Даже в «нормальном состоянии» глобальная социальная система функционирует в колебательном режиме, т. е. все её аномалии представляются именно как колебания в пределах некоторой «нормы».

Восьмое и, наверное, самое сложное – кто и как эту норму отклонений определяет? Здесь необходимо вернуться к определению критического состояния. Дело в том, что разрушительные возможности человека растут так быстро, что «колебательное движение» может выйти за пределы этой нормы. И тогда вместо позитивной динамики глобальной системы, которую мы привыкли называть «развитием», возникает не просто негативная, а тотальная разрушительная динамика, которая будет означать конец человеческой цивилизации. Кто-то, вероятно, выживет или спасётся, вовремя улетев на другую планету, но этой конкретной цивилизации придёт конец.

Поэтому, *девятое* – человечеству нужны ограничительные (сдерживающие) силы, которые были бы способны оградить нашу цивилизацию от столь бесславного конца. Ранее такими были Движение за мир и безопасность во всём мире, Пагуошское и другие общественные движения. Однако сегодня они сошли на нет, и борьба за доступ к дефицитным ресурсам и за геополитическое господство над миром разгорается всё сильнее.

Наконец, *десятое* – всякое «ограничение» не равнозначно восстановлению и тем более поступательному развитию. Но человечество, находясь в рамках и будучи ведома капиталистической экономикой, не может найти такого пути по определению. Я не ратую за социализм в противовес капитализму. Но я выступаю за разумное ограничение человеческих потребностей и сохранение биосферы. Здесь действует принцип «или – или»: либо мы сохраним её объединёнными усилиями, либо сами нанесём ей страшный удар, потому что биосфера, превратившись в социобиотехносферу, предъявит человечеству свой счёт, просто перестав быть для него «неисчерпаемым ресурсом».

Критические состояния: фазы, формы и типичные последствия

Типологически обычно выделяются три фазы: предшествующая КС (предкритическая), собственно критическое состояние и его ближайшие и отдалённые последствия. С точки зрения Дж. Вилсона и его соавторов, которую я разделяю, фазу адаптации к новому состоянию или условиям жизни надо рассматривать отдельно [Wilson et al. 1988].

Предкритическая фаза может быть обозначена как минимум двумя способами: специальным информационным предупреждением (оповещением) или сообщениями в СМИ. От того, как человек или группа поведут себя в этот период, зависит очень многое: сохранение их жизни и имущества, мобилизация спасателей или волонтеров, принятие специальных мер по спасению жизни и имущества тех, кто отказался эвакуироваться, и многое другое. Хорошо отработанная предкритическая фаза – залог успеха последующих спасательных действий и минимизации людских, природных и других потерь. Если речь идёт о вероятности

техногенной катастрофы, вполне возможно потребуются специальная подготовка спасателей. Наконец, от специфики надвигающейся катастрофы зависят и действия местных и даже региональных (областных) властей.

У волонтеров на этой ступени есть множество возможных ролей: оповещение, помощь в сборах на случай эвакуации и т. д. Но ещё эффективнее, если подобные действия будут подготовлены ими заранее. Вполне возможно, что именно в этот предкритический период может быть произведено согласование действий волонтеров со спасателями и местными властями.

Конечно, очень многое зависит от самого характера надвигающейся катастрофы; например, в случае наводнения: есть ли риск полного затопления данного региона или населённого пункта, радиационного или инфекционного поражения (в частности, при наличии на пути наводнения скотомогильников) и др. Во всех трёх фазах скорость распространения катастрофы и её поражающего эффекта будет играть решающую роль. Существенное значение имеет доверие и взаимодействие населения с местными властями и службами охраны порядка (полицией, росгвардией и др.). Конечно, если речь идёт о вероятности ядерной атаки, то подготовка к ней будет осуществляться по специальному плану сил МЧС.

Вторая, *собственно критическая фаза* также может быть различной. Один вариант – когда эта фаза наступает (в прямом смысле этого слова) *постепенно*. Как, например, медленный, но неуклонный подъём воды в реке, затяжной проливной дождь, постепенное разрушение дорог и иных коммуникаций, связывающих данный населённый пункт с остальным миром, или прекращение его энергоснабжения, подачи воды и других жизненно-важных ресурсов. Здесь многое зависит от повторяемости КС. Если это обычное, повторяющееся из года в год событие, то жители готовятся к нему заранее, и потому они не считают его КС. Другое дело, когда некоторый критический рубеж перейдён, например, запасы воды и еды иссякли, а связи с «большой землёй» всё ещё нет. Снова фактор времени играет здесь решающую роль.

Здесь не рассматриваются КС, возникающие в ходе военных действий или массовых карательных операций в отношении мирного населения, поскольку они уже неоднократно освещались в научной литературе.

Вариант построения типологии критических состояний

Типология критических состояний общества – сложная задача. Не случайно этот раздел назван «вариантом», поскольку такая типология может быть построена только совместными усилиями многих учёных и практиков. Как она может быть практически опробована, мне трудно себе представить, потому что эмпирический материал, доступный сегодня любому научному работнику, является недостаточным (или неполным) для построения такой типологии. И всё же некоторое движение в таком направлении необходимо.

Следуя главенству фактора времени наступления некоторого критического состояния, предлагаю выделить три фазы (подгруппы) проблем. Одна, когда о приближающемся КС известно заранее, т. е. возможно подготовиться к нему. Здесь возможны разные варианты, зависящие как от времени, имеющемся у «стороны-под-ударом» и степени осведомленности её населения о масштабе грозящей катастрофы, так и от готовности спасателей и волонтеров к данному виду КС и наличию у них необходимых средств и ресурсов. Эффект сопротивления грозящему КС зависит также от степени подготовленности местных властей и от многого другого. То есть опять мы сталкиваемся с *ситуацией неопределённости*.

Мы должны помнить также, что характер предполагаемого удара (наводнения, урагана, техногенной катастрофы) будет, скорее всего, иметь *гибридный характер*, к чему как спасатели, так местные власти и население далеко не всегда готовы. Причём если это не стихийное бедствие, то сторона, наносящая названный удар, может варьировать (комбинировать) соотношение факторов, его составляющих; т. е. эта сторона будет вести себя так, как будто это военная операция. Но даже если это именно стихийное бедствие, то, напомним, что сегодня КС носит по большей части каскадный характер, иными словами, весьма вероятен «эффект домино».

Учитывая опыт Великой Отечественной войны (1941–45 гг.), влияние которой я прочувствовал и пережил, будучи ещё подростком, напомним, что к любому современному КС нельзя подготовиться быстро. Напротив, нужно готовиться заранее. Я имею в виду прежде всего средства оповещения населения и готовность местных властей к возможному КС. Но также необходима подготовка убежищ, создание необходимых запасов воды и медикаментов и т. д. Подчёркиваю, речь идёт не о мобилизации средств и сил спасения, а именно о подготовке заранее. Тогда в случае наступления КС собственно мобилизационные меры будут сведены к минимуму.

Замечу, что «гибридность» и «системность» возможного КС – сходные, но разные понятия. Гибридность – это феномен комбинации разнокачественных факторов и сил, и соответственно, – предмет науки комбинаторики. А формирование социобиотехнических систем (далее СБТ-систем) – это предмет системного, в данном случае междисциплинарного анализа, в основе которого лежат метаболические трансформации [Yanitsky 2016; Яницкий 2019]. В любом КС – это принципиальный, но пока что мало исследованный процесс количественно-качественных трансформаций. Поэтому одно дело – возникновение в результате КС гибридных образований, и совсем другое – СБТ-систем различного качества и масштаба.

Вторая фаза (она же и подгруппа) проблем относится ко времени собственно разрушительного или иного воздействия КС на некоторый объект-субъект. В этой «фокальной точке» КС всё имеет значение, как-то: время приближения некоторого КС, степень информированности местных властей и населения, характер их реакции на эту «критическую» информацию и, наконец, поведение всех видов систем, от природных до технических и социальных, в ответ на воздействие данного КС.

Именно в этой, фокальной точке начинаются самые сложные и потому недостаточно исследованные трансформации данного объекта-субъекта. Сложные потому, что речь идёт именно о *множестве метаболических трансформаций*, которые могут происходить как одновременно, так и в течение длительного времени и далеко за пределами места КС. И вот к анализу этих сложных явлений ни наука, ни практика ещё не готовы.

Наука не готова потому, что за редким исключением продолжает придерживаться монодисциплинарного подхода, который не соответствует сложной сущности изучаемого КС, в основе которого лежат множественные метаболические трансформации. Приведу пример, с которым столкнулся лично.

Некий белорусский охотник составил самодельную карту радиоактивных загрязнений района, где он обычно охотился. Эта карта была составлена на основе открытых данных в республиканской печати спустя некоторое время после Чернобыльской катастрофы. Но он не учёл того факта, что со временем эти «пятна» радиоактивных загрязнений могут как расползаться, так и мигрировать в другие природные среды и там накапливаться; этот процесс может продолжаться десятилетия.

В этом смысле, как ни парадоксально, местному населению могут помочь волонтеры из числа студентов и аспирантов, занимающихся охраной природы. Молодые люди, как правило, больше интересуются новинками науки и техники, чем их преподаватели и тьюторы, и скорее могут донести до местного населения информацию о возможных метаболических трансформациях.

В проблеме метаболизма катастроф есть и важный *гуманитарный аспект*. Я имею в виду время, в течение которого пострадавшие в случае разрушений могут существовать под завалами. Здесь также необходима подготовка современных волонтеров. Одно дело – регулярная помощь и посещение раненых и больных в стационарах, и совсем другое, когда речь идёт о *критическом времени выживания* человека, животного или целостной локальной СБТ-системы.

Посткатастрофное состояние является *третьей фазой*. Однако и она должна быть разделена на два этапа. Первый – неотложная медицинская, психологическая, материальная и иная *помощь in situ*. Реализация этого этапа, в свою очередь, зависит от двух вещей: степени срочности оказания любой неотложной помощи пострадавшим людям и природе, степени доступности данного места (города, посёлка, деревни) для спасателей, волонтеров и тех, кто доставляет в зону КС спасателей, необходимое им оборудование, воду, продукты питания, медикаменты и т. д.

Далее начинается незаметный, но чрезвычайно ответственный второй этап: посткатастрофная *адаптация пострадавшего населения* к своему новому положению, условиям жизни, соседям и т. д. Это самый долгий этап, когда пострадавшее население и природные экосистемы испытывают наибольшие трудности, которые могут длиться бесконечно долго, поскольку им нужно не только восстановить своё здоровье и уровень жизни, но и «догонять» быстро изменяющуюся общественную

жизнь. Кроме того, адаптация к КС сопровождается распадом семьи и прежних социальных связей, утерей локальной идентичности пострадавших и массой других потерь, которые мы называем «мелочами жизни», но без которых жить не можем. Пострадавшие особенно озабочены утерей тех «мелочей», которые облегчали их повседневную жизнь. Добавлю к этому, что переходный период к всеобщей «цифровизации» повседневного труда и жизни означает необходимость дополнительных материальных и интеллектуальных усилий, чтобы не выпасть из нового темпоритма повседневной жизни, не оказаться ненужным для развивающегося общества человеческим материалом.

«Волонтёры-для-адаптации» пострадавших – совсем другая ипостась волонтерского движения, требующая от них новых знаний и умений, а также всего того, что обозначалось словом «милосердие». Оно чрезвычайно важно именно сегодня, потому что ЧС – лишь некоторый короткий отрезок жизни, а адаптация – это вся оставшаяся жизнь «после». В этот длительный период от волонтеров требуются не только знания и навыки ухода за пострадавшими, но постоянное терпение и внимание к тем мелочам жизни, которые суть не менее важное «лекарство», чем медицинское наблюдение.

Общая для населения РФ проблема – высокая закредитованность почти половины трудоспособного населения страны, следовательно, риск наложения штрафных санкций и ареста банковских счетов. Особенно она болезненна для пострадавших в результате КС. Способны ли волонтеры помочь пострадавшим в решении этой непростой проблемы – вопрос открытый. Однако один, пусть частичный способ помочь им всё же есть. Это – всё та же благотворительность; например, сбор денежных средств для погашения задолженности потерпевшего, а также помощь в приобретении одежды, домашней утвари и предметов первой необходимости.

В последние годы возникла ещё одна важная опасность: повсеместное ухудшение уровня и качества первичной медицинской помощи (состояние поликлиник, недостаток необходимых лекарств и т. п.), что стало неизбежным результатом предшествующей «оптимизации» этой исключительно важной сферы услуг для населения, особенно в сельской местности и малых городах на огромной территории РФ. Можно один раз что-то не сделать: не пообедать, не помыть пол, не посетить занятия или не выучить урок. Но пропустить консультацию у врача-специалиста нельзя ни в коем случае! Тем самым выявляется ещё одна исследовательская и практическая проблема – неотложность тех или иных действий служб спасения, медицинской и волонтерской помощи.

Наконец, ещё один важный общественный результат конкретного КС – это миграция населения. Здесь возможны два варианта в зависимости от ситуации. Если это, например, малый город или населённый пункт, то возможно, что после КС или даже в процессе часть населения покинет это место навсегда. Тем более что сегодня есть возможность работы вахтовым методом или дистанционно. Но возможно и другое: данный населённый пункт будет восстановлен руками местных жителей

и привлечённых специалистов, поскольку представляет собой памятник историко-культурного значения. Тогда вероятно, что значительная часть его коренного населения вернётся обратно.

Наконец, ещё один типологически важный случай – это положение жителей в городе, находящемся на осадном положении, когда кругом идёт война, или в пустыне: жизненно важные ресурсы на исходе и связи с внешним миром нет. Подобный критический случай был изучен мною на примере осаждённого города Алеппо, Сирия [Яницкий 2017]. Но такая ситуация может возникнуть и в мирное время, как это случилось с городом Тулун Иркутской области в 2019 г.

Стоит выделить и ещё одну весьма сложную проблему – помощь малым коренным народам Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ. Малочисленные сообщества этих людей расселены на огромных территориях, они могут изменять места своих временных стойбищ, поскольку чрезвычайно зависимы от охоты и рыболовства, главного ресурса их жизнеобеспечения.

Способна ли наука предвидеть возможные КС?

Это наиболее сложный вопрос ввиду нелинейного и вероятностного характера динамики происходящего процесса превращения биосферы в социобиотехносферу, международных и внутренних конфликтов и др. Но в то же время без прогнозирования не обойтись, так как построение сценариев динамики отдельных отраслей и сфер производства и воспроизводства даёт ограниченный результат именно в силу своей «линейности». Даже вероятностные прогнозы общих и местных КС остро необходимы.

Что уже есть? Есть развитая сеть спутникового наблюдения и оповещения, однако она касается главным образом природных и техногенных КС. Есть государственные и гражданские силы «быстрого реагирования». Существует развитая социальная сеть, которая может быть использована для оповещения граждан и местных властей о надвигающейся ЧС. Наконец, жителей малых городов и сёл можно «подготовить к встрече» с некоторыми видами ЧС. На мой взгляд, во многом бессмысленная система миллионов «лайков», которая ничего не приносит, кроме минутного успеха одних и обогащения других. Однако социальная сеть может быть использована для просвещения и мобилизации тысяч жителей в самых разных частях нашей страны для защиты своих жилищ.

В борьбе с социальными болезнями (алкоголизмом, наркоманией и проституцией) дело обстоит гораздо сложнее. Здесь речь идёт не о разовых мероприятиях, а о длительном и постоянном противоборстве этим социальным болезням, которые лишь частично могут улавливаться техническими средствами наблюдения и слежения. Но и в этом случае для волонтеров найдётся работа, особенно в посткатастрофный период реабилитации пострадавших от КС, особенно тяжело больных и престарелых.

Наконец, о возможностях «цифрового волонтерства». Об этом уже говорилось выше, но некоторые детали заслуживают обсуждения. Поскольку вся современная жизнь перемещается в «цифровую сферу», возникает вопрос: где «цифровое волонтерство» сейчас нужнее всего?

Во-первых, в ходе школьного и вузовского обучения. Молодые люди должны понимать, что этот процесс – не просто пополнение «копилки» их знаний и навыков, а структурный элемент необходимой сегодня связи «наука – обучение – практика». Связи, которая непрерывно изменяется и пополняется. Волонтерам не нужны цифровые игры, им нужны образованные и опытные люди, способные не только предсказывать приближение и характер некоторого КС, но и знать, когда, кого и что нужно мобилизовать, чтобы ущерб был минимальным. Далее, задача «цифровых волонтеров» мобилизовать как сетевые, так и индивидуальные информационные ресурсы для решения предыдущей задачи. Затем, именно «цифровые волонтеры» совместно с учеными и практиками социальной защиты населения должны разрабатывать вероятностные модели динамики всего КС, от его начального этапа и до процессов ликвидации или смягчения последствий.

Наконец, полагаю, пришло время заняться разработкой комплексной цифровой модели процесса трансформации биосферы в социобиотехносферу.

Вместе с тем есть и противоположная задача: уберечь общество и прежде всего молодёжь от технократической идеологии в любом её виде. Иначе мы быстро придём к обществу «умных машин», которые будут жить в цифровой среде и общаться только на цифровом языке. Здесь я целиком и полностью согласен с С. А. Кравченко и его коллегами, настаивающими, что всему глобальному сообществу нужен «гуманистический поворот» [Кравченко 2015; Гуманистический поворот... 2018]. «Цифра» была и будет только инструментом в руках человека, который должен уметь самостоятельно мыслить и рефлексировать по поводу происходящих в мире перемен. Не побоюсь сделать катастрофический прогноз: тотально «цифровое общество» рано или поздно самоуничтожится.

Выводы

Все события и процессы современной жизни потенциально рискованны, и каждый виток глобальной динамики может сопровождаться КС. Поэтому в данной статье рассмотрены только основные из них, типичные для данного этапа современной истории развития РФ.

К основным архетипам КС относятся: геополитические, природно-климатические и техногенные катастрофы глобального и континентального масштаба. А также рукотворные, но практически не всегда видимые критические состояния общественного организма (внутреннее разложение и распад его отдельных частей, массовые эпидемии и социальные «болезни», как, например, алкоголизм и наркомания, коррупция и преступность).

К критическим состояниям также относятся те состояния общества, которые возникают при исчерпании существующих форм его институциональной и иной организации. Я имею в виду бедность и другие проявления

критического отставания индивидов и групп от современного темпоритма развития современного общества, в результате чего возникает и множится количество людей, практически исключённых из общественной жизни, а также – сознательный уход из неё вполне обеспеченных людей.

Типология критических состояний есть многомерное и вероятностное понятие. Тип КС зависит как от надвигающейся опасности, скорости её приближения, характеристик СБТ-системы, по которой, скорее всего, будет нанесён удар, степени подготовленности населения, так и от спасателей, муниципальных властей, местных условий и от многого другого. Иными словами, *типология КС есть многомерное, подвижное и потому вероятностное понятие*. Каждое новое научное открытие, изменение в структуре и динамике глобальной СБТ-системы и степени готовности местного населения и его волонтеров будет изменять эту типологию.

Представляется, что для минимизации негативных последствий любых КС все социальные агенты, независимо от их масштаба и назначения, должны быть готовы к ним так же, как они должны быть готовы к рутине повседневности. *В современных условиях различия между «нормой» и «патологией» становятся постепенно всё более условными*. Это утверждение – не очередной релятивизм, а констатация того факта, что современная глобальная СБТ-система непрерывно эволюционирует.

Вывод заключается в том, что поддержание любой социальной, природной и СБТ-системы в рабочем состоянии столь же важно, как и её конструирование и строительство. Существенно, что происходящее «сжатие» социального пространства посредством времени может вызвать реакцию отторжения ускоряющегося процесса технических инноваций и потребность в возвращении к прежнему мобильно-стабильному укладу жизни. И это не просто ностальгия, а сознательное нежелание терять такие важнейшие качества личности, как способность к рефлексии и размышлению, самостоятельная оценка изменяющейся обстановки и способность к предвидению и прогнозированию. Наконец, не менее важно, чтобы анти-КС меры не превращались в очередную бюрократическую акцию, в «перестройку ради перестройки».

Волонтеры и гражданское общество в целом – необходимые участники действий по предотвращению КС на всех этапах его возникновения, воздействия на общество и последующей адаптации пострадавших в результате КС. Что касается «цифровизации» общественной жизни, то полагаю, что «цифра» была и будет лишь инструментом в руках человека, который должен уметь самостоятельно мыслить и рефлексировать по поводу происходящих в мире перемен и принимать решения самостоятельно.

Библиографический список

Кравченко С. А. 2015. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: Востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет. 343 с.

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / Отв. ред. Кравченко С. А. М.: МГИМО-Университет, 2018. 209 с.

Яницкий О. 2017. Качественная модель осажденного города: случай Алеппо, Сирия // Социологическая наука и социальная практика, № 1. С. 129–144.

Яницкий О. Н. 2019. Переходный период: цели изучения, теория и практика. М.: Российская политическая энциклопедия. 287 с.

Bauman Z. 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press. 140 p.

Bauman Z. 2017. *A Chronicle of Crisis: 2011–2016*. London, UK: Social Europe Edition. 163 p.

Beck U. 1992. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE. 260 p.

Beck U. 1999. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press. 184 p.

Castells M. 2004. *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 292 p.

Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. 1988. *Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam*. New York and London: Plenum Press. 397 p.

Yanitsky O. N. 2014. Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research. Vol. 2 (3): 112–118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf (Дата посещения 23.01.2020).

Yanitsky O. 2015. Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War? Journal of Social Sciences Research. Vol. 6 (3): 1090–1098. URL: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99 (Дата посещения 23.01.2020).

Yanitsky O. 2016. Sociobiotechnical systems: a New Approach to Man-Nature Interactions // Yanitsky O. On Globalization and its Environmental Consequences. М.: IS RAS. P. 123–135. URL: http://www.isras.ru/index.php?_id1198&id=4603 (Дата посещения 23.01.2020).

Статья поступила: 03.11.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва

10.19181/vis.2020.11.1.623

A Typology of the Critical States of a Modern Society

Oleg N. Yanitsky

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Yanitsky, O. N. A Typology of the Critical States of a Modern Society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 14–29. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

Abstract. The main purpose of this article is to create a typology of modern society's critical states based on analyzing Russian and foreign studies, as well as the author's own theoretical constructs developed over the last 30 years. I personally consider geopolitical, natural-climatic and manmade catastrophes of global and continental scale to be the main archetypes of critical conditions. After that we have artificial, but virtually indistinguishable critical conditions of society (inner degradation and collapse, mass epidemics and social "diseases" such as alcoholism, drug addiction, corruption and crime). And, finally, critical conditions which emerge when the existing forms of institutional or other social organization have run their course; for example, poverty and other manifestations of an individual or group critically lagging behind society's current pace of development. As a result, the amount of people who are basically excluded from public life begins to multiply. We also have society's rapid shift towards the "digital" age taking its toll. In order to minimize the negative consequences of all sorts of critical conditions, all social agents, regardless of their magnitude and purpose, must be prepared for critical situations arising as part of their everyday routine. In other words, in current conditions the differences between the "norm" and "abnormalities" are gradually becoming ever the more arbitrary. Such an assertion isn't just relativism, but rather a testament to the fact that the current global SBT-system, of which Russia is an essential element, is constantly evolving. Volunteers and civil society in general are indispensable players when it comes to preventing critical conditions at all stages of their development, influence on society and subsequent adaptation of those who suffered as a result of them. As for the "digitalization" of public life, the author insists that "digital" tools were always and will be merely an instrument in the hands of human beings, who must be able to think independently, reflect on the changes occurring in the world and make their own decisions.

Keywords: acceleration, accidents and disasters, critical states, digitalization, geopolitics, social institutions, society, volunteers

References

- Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London (UK), Social Europe Edition, 2017: 163.
- Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge (UK), Polity Press, 2004: 140.
- Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London, Sage, 1992: 260.
- Beck U. World Risk Society. Malden (MA), Polity Press, 1999: 184.
- Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society. Oxford, Oxford University Press, 2004: 292.
- Humanistic Turn: Imperative of Human Civilization. Ed. by S. A. Kravchenko. Moscow, MGIMO, 2018: 209.
- Kravchenko S. A. Sociological knowledge through the prism of the "arrow of time": The demand for humanistic turning. Moscow, MGIMO, 2015: 343.
- Wilson J., Harel Z., Kahana B. Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam. New York, London, Plenum Press, 1988: 397.
- Yanitsky O. N. A Qualitative Model of the Besieged City: The Case of Aleppo (Syria). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociology and Social Practices*, 2017: 1: 129–144 (In Russ.).
- Yanitsky O. N. Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War? *Journal of Social Sciences Research.*, 2015: 6 (3): 1090–1098.
- Yanitsky O. N. Transition period: research goals, theory and practice. Moscow: RossPEN, 2019: 287 (In Russ.)
- Yanitsky O. N. Sociobiotechnical systems: New Approach to Man-Nature Interactions. In: *On Globalization and its Environmental Consequences*. Moscow, IS RAS publ., 2016: 123–135.
- Yanitsky O.N. Sociology of Critical Areas. *Open Journal of Social Science Research*, 2014: 2 (3):112–118.

The article was submitted on: November 03.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg Nikolaevich Yanitsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Main researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Institute of Sociology of the FCTAS RAS